

А.Г. ЭФЕНДИЕВ, А.С. ГОГОЛЕВА, Е.С. БАЛАБАНОВА

ТЕНДЕНЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

ЭФЕНДИЕВ Азер Гамидович – доктор философских наук, ординарный профессор, директор Центра исследований социальной организации бизнеса факультета бизнеса и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (efendiev@hse.ru); ГОГОЛЕВА Анна Сергеевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник того же Центра (agogoleva@hse.ru); БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – доктор социологических наук, заместитель директора того же центра (balabanova@hse.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. На данных панельного эмпирического исследования в Белгородской области в 2000 и 2013 гг. рассматриваются противоречия духовного развития жителей села. Предпринимается попытка институционального анализа роли социальных практик в современных процессах. Его результаты позволяют утверждать, что действия индивида определяются не столько его внутренними установками и предпочтениями, сколько массовыми практическими стандартами поведения, требованиями и ограничениями, налагаемыми на индивида извне, со стороны институциональной среды. Подчеркивается внутренняя противоречивость институтов переходного типа. Эта противоречивость выражается в противоборстве, с одной стороны, между «старыми» (традиционалистски-патерналистскими) и «новыми» (рыночно-достиженческими) практиками, с другой – между «позитивными» (самостоятельность, личная ответственность) и «негативными» (нравственный и правовой нигилизм) нормами, лежащими в основе практик повседневных социальных взаимодействий.

Ключевые слова: социальные институты • институциональные изменения • социальные взаимодействия • социальные практики • российское село • панельные эмпирические исследования

DOI:

В статье на основе эмпирического исследования российского села¹ продолжается анализ проблем и перспектив институциональной методологии в современной социологии (см. первую статью в этом цикле: [Эфендиев и др., 2016]). Основная идея, которая объединяет эти работы, состоит в характеристике институциональных социальных практик. В отличие от других недавних исследований села и деревни (см.: [Покровский, Нефедова, 2013; Родионова, Перекаренкова, 2014; Евдокимова, 2015]), исследование носило панельный характер сбора данных в рамках одного исследовательского проекта, когда в указанные периоды по единой методике опрашивались домохозяйства и трудоспособные жители одних и тех же сел. Это позволяет судить о происходящих институциональных трансформациях, а самое главное, о последствиях этих изменений на микро- и мезоуровне [Кирдина, 2015].

Исследование ориентировалось на выявление основных тенденций духовно-нравственного развития жителей сел Белгородской области и их связь к с институциональными изменениями в современном селе. Прежде всего обратимся к методологическому, а затем к методическому обоснованию решения этой задачи.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Базой анализа являются данные опросов в 2000 г. (N = 857) и 2013 г. (N = 897) трудоспособных жителей в 9 селах Белгородской области. В проведении эмпирического исследования в 2013 г. принимал участие к.с.н. П.С. Сорокин.

Методологические подходы институционального анализа. В современной практике социологического анализа институтов, как в России, так и за рубежом, понятие «институт» нередко используют для обозначения самых разных явлений и по природе, и по масштабу (см.: [Тамбовцев, 2015, Martin, 2004, Hodgson, 2006, Hindriks, 2015]). Мы исходим из того, что социальный институт – это система взаимодействий социальных акторов, обеспечивающая устойчивое самовозобновляемое удовлетворение важнейших потребностей и интересов этих акторов. В этом ракурсе институт понимается как социальное явление, имеющее надындивидуальное измерение, но при этом регулирующее практические взаимодействия достаточно большого числа людей и выступающее главной связью, соединяющей отдельного индивида с массовыми социальными процессами, включающими первого в логику функционирования и развития вторых.

Основными элементами институтов являются «правила игры», включающие моральные (неформальные) и административно-юридические (формальные) нормы, и механизмы, обязывающие социальных акторов к выполнению этих норм. Таким образом, институты обладают обязывающей силой, проявляющейся в способности принудить социальных акторов к выполнению ожидаемых «правил игры» [Эфендиев и др., 2016: 70]. Они формируют поведение личности как подчиняющееся не столько логике «ценности – добровольный выбор – действие», сколько логике институционально-детерминированного поведения: «институциональные требования – вынужденные мотивы – контролируемые действия».

Гарантированная способность обязать индивида к определенному желательному поведению различается в зависимости от сферы деятельности. В социальных институтах речь идет о принуждении к определенному поведению в таких сферах, как взаимоотношения по поводу обмена и распределения ресурсов, горизонтальные и вертикальные взаимоотношения сотрудников организаций, отношения конкуренции и конфликта. В своей совокупности именно социальные институты образуют социальный строй общества, определяют его социальную организацию. Если же институт не обеспечивает обществу гарантий исполнения людьми определенного (ролевого) поведения, то встает вопрос о низком качестве, искажении, деформации и кризисе института.

Отметим также, что в социальных институтах как правила игры, так и их обязывающая сила носят, во-первых, *социокультурный* характер (так как они зависят от специфики культурных предпочтений, доминирующих в обществе или в элитах [Licht, 2007]), во-вторых, *социально-исторический* характер (так как они обусловлены этапом исторического развития социума [Barley, Tolbert, 1997]).

«Правила игры» и механизмы принуждения к их исполнению, составляющие основу институтов, нацелены на практически воспроизводимый тип социальных действий как «ориентации на другого» [Вебер, 1990: 603; Парсонс, 1997: 210, 227, 229]. Существенным ограничением современных институциональных теорий в мировой социологии является, по нашему мнению, их недостаточное внимание к характеру указанных ориентаций как основе функционирования любого института. При самом общем подходе в основе институтов могут лежать традиционные или современные типы «ориентаций на другого». Причем анализ социальных институтов – это анализ реальных институциональных практик, а не неких желательных, воображаемых норм или принятых законов. При таком подходе институты современного российского общества содержат в себе немало традиционных элементов, находясь, как показывают результаты эмпирических исследований [Эфендиев, Балабанова, 2012], в переходном состоянии. В современных институтах российского общества конкурентные принципы, в том числе конкурсный отбор кадров, конкуренция между партиями, товаропроизводителями развиты в недостаточной мере, соседствуя с протекционизмом, «блатом», авторитаризмом.

В статье, посвященной анализу проблем и перспектив институциональной методологии, нами уже были рассмотрены *социальные изменения* и соотношение принудительно-практических механизмов и ценностно-культурных процессов институциональных изменений [Эфендиев и др., 2016]. В центре данной работы лежат особенности социальных

институтов российского общества как институтов переходного типа, их внутренняя противоречивость. Это проявляется в следующем. 1) Закон и официально утверждаемые юридические нормы могут повсеместно входить в конфликт с реальными практиками и стандартами поведения. Так, первые могут иметь последовательно рыночно-конкурентное содержание, а реально осуществляемая практика допускает и повсеместно применяет протекционизм, огосударствление экономики, фаворитизм, что отражает противоречие между «должным» и «существующим». 2) Одни нормы и их реализация на практике могут иметь достиженческий характер, быть ориентированными на свободу и личную ответственность актора, одновременно с этим другие нормы могут носить патерналистский характер – это противоречие между «новым» и «старым». 3) Определенные нормы и их реализация на практике могут быть ориентированы на высокую ответственность, личную инициативу актора, но при этом их осуществление на практике часто сопряжено с коррупцией, привилегиями для тех, кто близок к власти и имущим. Это отражение противоречия между «*позитивными целями*» и «*негативными средствами*» их достижения.

При этом обязывающая, а нередко принуждающая, сила институтов обуславливает содержание процессов в духовной сфере, то есть в системе, обеспечивающей нравственно-ценностные основы социальных взаимодействий. Поэтому противоречия в системе институтов являются глубинной причиной внутренней драмы, конфликтов, которыми пронизана экономическая, политическая, культурная жизнь общества. Проблема духовных последствий социального содержания новых институциональных порядков, противоречий между различными институциональными практиками: рыночно-демократическими и протекционистски-авторитарными, кланово-аскриптивными и меритократическими-достиженческими – представляет особый научный интерес.

Методические подходы к анализу. Остановимся на ключевых методиках, использованных в исследовании. Первая предлагает несколько пар полярных суждений о нравственных принципах жизни современного сельского жителя. Суждения одного полюса представляют собой «крайний» патерналистский вариант, суждения другого – вариант наиболее выраженной личной ответственности. Вторая методика построена по аналогии с «проблемной ситуацией». Респондента просили выразить свое отношение к ситуации, сформулированной, например, следующим образом: «*Один из соседей сумел на фоне других преуспеть, стал жить благополучнее других, богаче*». Таким образом изучались установки сельских жителей в отношении личной активности по достижению материального благополучия: насколько респондент одобрительно относится к *такой личной активности другого?*

В основе этих двух методик лежит принципиальное различие: в первом случае исследовалась внутриличностная мотивация («Как жить самому, что мне нужно делать?»). Речь идет о базовых мотивационных стимулах, определяющих поведение личности, исходя из ее внутренних представлений о правильном, желательном; во втором с помощью внешнего стимулирования рассматривалась реакция окружающих на соответствующее поведение личности. Этот компонент выступал элементом институционального контроля, явных или неявных, позитивных или негативных санкций.

Третья методика представляет собой суждения о правилах практического поведения, которых человек мог бы придерживаться. Респонденту предлагалось выбрать один из вариантов ответа среди трех возможных: «скорее согласен», «скорее не согласен», «затрудняюсь ответить». Причем в ряде случаев, когда правила носят нравственно очевидный характер, вариант ответа «затрудняюсь ответить» может быть проинтерпретирован как латентное согласие с нравственно сомнительным суждением.

Духовно-нравственные противоречия жизненных устоев. Обратимся к сопоставлению результатов исследований 2000 и 2013 гг. В табл. 1 представлены средние значения по вопросам «мировоззренческого» характера. Конечно, выбор между предложенными полюсами суждений – сложная в нравственном отношении проблема. Многие из этих вопросов не являются *самоочевидными*. Вместе с тем мы с их помощью выявляем

Таблица 1

Характеристики роли усилий конкретного трудоспособного жителя села в его достижениях в жизни (средние оценки, шкала континуума от «1» для вариантов в левой колонке до «5» для вариантов в правой колонке)

«Патерналистский вариант»	2000	2013	«Активистский вариант»
Я такой, каким меня сделали обстоятельства нашей жизни	2,77	3,21***	Я такой, каким я стал благодаря своему собственному выбору
Надо жить так, как живут все, следовать принятому, не выделяясь из общей массы людей	2,95	3,33***	Не следует бояться выделиться из общей массы, идти иногда и наперекор тому, что принято, привычно
Как живут наши люди сегодня в основном зависит от того, как развивается наше село, государство, общество в целом. По большому счету от усилий конкретных жителей села мало что зависит	2,24	2,62***	При всех перипетиях жизни нашего села, в конечном счете от самого человека зависит то, насколько успешно он сумел наладить свою жизнь в этих условиях, чего он достиг
Лучше жить материально скромно, но спокойно, без особых тревог, забот и волнений: все равно всех денег не заработаешь	3,06	3,16	Следует всеми силами стремиться к достижению лучшей жизни, хотя это и требует немалых усилий, волнений и не всегда получается
Оценивая свои возможные поступки, я прежде всего учитываю, что скажут, как оценят их окружающие	3,15	3,20	Для меня прежде всего важна моя собственная оценка моих поступков

Примечание. Значимость различий между 2000 и 2013 гг. *** при $p < 0,001$.

склонность респондента видеть свое место в социальной жизни тем или иным образом, готовность брать на себя ответственность, проявить самостоятельность или «спрятаться» за утверждения о том, что «все так живут», «кто-то поможет». Речь идет о нравственном выборе, склонности человека к тому или иному варианту понимания своей жизни в окружении других людей.

Итак, по трем из пяти суждений с 2000 по 2013 г. зафиксирован значимый положительный сдвиг в сторону достиженческих принципов жизни. Результаты отражают эволюцию представлений сельских жителей в сторону экономической активности: каждый человек должен сам отвечать за собственную судьбу и стремиться самостоятельно повысить свое благосостояние. В большинстве случаев достиженческие установки и представления еще не приобрели массового характера. По всем основным показателям получено среднее, как правило, незначительно превышающее 3, что можно проинтерпретировать как – «и то, и это».

Эти результаты проявляют логику процессов социальных изменений – от институциональной практики к нравственному сознанию. Социальные практики на селе с упразднением колхозов, приватизацией, появлением частнособственнической модели ведения производства претерпели более существенные изменения, чем духовный мир сельских жителей.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: по вопросам, в которых ясно акцентируется личный контекст – «Я такой, каким меня сделали обстоятельства или моя личный выбор» и «Считаю, что в жизни лучше избегать ответственности или быть самому себе хозяином», – мы имеем достаточно зримые подвижки к признанию достиженческих принципов. Вместе с тем подчеркнем, что подобный отрыв показателей индивидуалистически-достиженческих представлений (где акцент сделан на индивидуальной ответственности) от общедостиженческих представлений потенциально таит

в себе варианты развития, которые можно оценить как положительно, так и негативно. Первый может проявиться в мотивации личной активности, изобретательности, инициативности, помноженной на безупречные в нравственном отношении нормы поведения. Второй – в росте эгоизма, готовности любой ценой идти к личному успеху. Какое из этих гипотетических предположений в большей степени справедливо, покажет дальнейший анализ.

Наращение достиженческих ориентаций с очевидностью нашло подтверждение при анализе отношения респондентов к тому, что «*один из соседей сумел на фоне других преуспеть, стал жить благополучнее других, богаче*» (табл. 2).

В отличие от жизненных принципов, которые несут несколько обобщенный, скорее мировоззренческий характер, правила и желательные образцы поведения непосредственно вписаны в институциональные практики, выступают регулятором поведения личности. Иначе говоря, нормы, образцы поведения – это наиболее близкие, опосредованные практикой феномены духовной жизни, вплетенные в конкретное поведение, и их рассмотрение во многом дает ключ к пониманию институциональных основ развития духовно-нравственных аспектов практической деятельности.

Данные табл. 3 выявляют существование зоны «общего согласия»: «*Следует жить в ладу со своей совестью*», «*Надо верить в порядочность людей*», «*Надо стремиться достигнуть как можно большего...*», «*Необходимо применить все силы, чтобы стать мастером своего дела*». Специфика этой зоны общего согласия выражается в двух моментах: во-первых, результаты, полученные в 2000 и 2013 гг., мало различимы; во-вторых, все эти правила предпочитает подавляющее большинство опрошенных (от 70 до 85%).

Главная же интрига заключается в наличии других зон предпочтений респондентов. Они характеризуются неопределенностью, турбулентностью и имеют негативные тенденции. Приступая к анализу соответствующих данных, напомним о следующем: если респондент затрудняется ответить на нравственно очевидный вопрос (например, пп. 1, 4, 5, 6 в табл. 3), то это, на наш взгляд, можно интерпретировать как согласие с нравственно ущербным правилом. Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, достаточно высокие показатели нравственно сомнительных правил, в частности: «*Необходимо делать лишь то, что тебе выгодно*». Большинство (52%) согласилось с ним или же затруднились ответить. «*Ради решения важных личных проблем в отдельных случаях можно пренебречь приличиями, нравственными нормами*» – 33% согласилось, а 13% затруднились с ответом. «*Следует особо стараться, только когда делаешь что-то для себя*» – 67% согласилось, а 8% затруднились с ответом.

Таблица 2

Отношение к успеху другого (в % к опрошенным по столбцу)

Ответы на вопрос: «Представьте себе, что один из ваших соседей сумел на фоне других преуспеть, стал жить благополучнее других, богаче. Каково будет ваше отношение?»	2000	2013
Уважение к его успеху	27	46
Желание перенять его опыт, может быть и мне удастся	37	29
Безразлично	22	22
С недоверием: с чего бы	11	3
Неодобрительно: не стоит так высовываться и выделяться	3	0
Средняя	2,25	1,84***

Примечание. Значимость различий между 2000 и 2013 гг. *** при $p < 0,001$.

Таблица 3

Предпочитаемые правила жизни (в % ко всем опрошенным по строке)

Ответы на вопрос: «Каких правил, по вашему мнению, следует придерживаться в нашей сегодняшней жизни?»	Скорее не согласен		Затрудняюсь ответить		Скорее согласен		Средние значения	
	2000	2013	2000	2013	2000	2013	2000	2013
Необходимо делать лишь то, что тебе выгодно	44	48	16	11	40	41	2,0	1,9
Следует всегда жить в ладу со своей совестью	6	7	6	4	88	87	2,8	2,8
Надо верить в порядочность людей	13	16	11	8	76	76	2,6	2,6
Ради решения важных личных проблем в отдельных случаях можно пренебречь приличиями, нравственными нормами	58	54	21	13	21	33	1,7	1,8*
Следует особо стараться, работать с душой, только когда делаешь что-либо для себя, своих близких	39	25	7	8	54	67	2,1	2,4***
Взять что-либо с работы – не грех	46	64	25	12	29	24	1,8	1,6***
Желательно вступать в выгодный брак	56	43	17	22	27	35	1,7	1,9***
Необходимо приложить все силы, чтобы быть мастером своего дела – это первоочередно	6	8	12	6	81	87	2,8	2,8

Примечание. Значимость различий между 2000 и 2013 гг. *** при $p < 0,001$, * при $p < 0,05$.

Во-вторых, показатели согласия с нравственно сомнительными правилами почти во всех случаях (кроме одного) ощутимо возросли в 2013 г. по сравнению с 2000-м. Это в меньшей степени касается предпочтения правила «Необходимо делать лишь то, что тебе выгодно» (в 2000 г. – 38%, в 2013 г. – 42% согласных), но в большей степени – согласия с тем, что «Ради решения важных личных проблем в отдельных случаях можно пренебречь приличиями, нравственными нормами». Доля скорее согласных с последним утверждением в 2000 г. составило 21%, а в 2013 г. – 33%. Иными словами, увеличилась доля лиц, согласных с нравственно сомнительными и ущербными правилами жизни. При этом важен общий тренд этих негативных сдвигов – рост индивидуалистически-меркантильных предпочтений.

Едиственное нравственно ущербное правило, по которому отмечено уменьшение числа сторонников, следующее: «Взять что-либо с работы – не грех» (доля согласных уменьшилась с 29 до 24%). Причем резко сократившаяся доля затруднившихся с ответом (с 25 до 12%) компенсирована резко увеличившейся долей тех, кто не согласился с этим правилом (от 46% в 2000 г. до 64% в 2013 г.). Эти подвижки в отношении респондентов к воровству казенного являются, по нашему мнению, в существенной степени результат мер по контролю, пресечению воровства, которые были предприняты агрохолдингами.

Эмпирические данные свидетельствуют, что институционально-практическая среда развития современного сельского жителя Белгородской области носит крайне противоречивый и конфликтный характер. С одной стороны, произошло упразднение колхозов, приватизация колхозных земель и имущества, на основе чего сформировалась рыночная среда, структурными элементами которой являются вертикально-интегрированные агропромышленные комплексы (АПК), фермерство, личные крестьянские

хозяйства. Утвердившийся новый порядок жизни на селе обусловил рост понимания личной ответственности за свое благополучие, благоприятного общественного мнения по отношению к личному успеху, осязаемое снижение патерналистских установок и подозрительности по поводу успеха других.

С другой стороны, важно понимать, что сами по себе достиженческие установки, не подкрепленные этическими нормами, могут приводить к крайним проявлениям индивидуализма, сомнительной в нравственном отношении активности. Исследование выявило рост поддержки нравственно сомнительных образцов поведения. Новые институты хозяйственной деятельности подспудно привнесли в жизнь села социальные практики и явления псевдорыночного, псевдоконкурентного характера, затруждая или деформируя массовые проявления личной инициативы, не способствуя или деформируя развитие деловой и гражданской активности, предприимчивости. Остановимся на них подробнее.

На основе данных о том, «как было» и «как стало» (табл. 4) рассмотрим тенденции развития социальных практик за последние 13 лет.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как было и как стало в жизни вашего села? Насколько часто возникали следующие ситуации 10–15 лет назад и сегодня?», 2013 г.
(в % по строкам, отдельно «10–15 лет назад» и «Сегодня»)

Социальные практики	«10–15 лет назад»			«Сегодня»			Средние значения	
	Пожалуй, не было такого	Редко, но встречалось	Очень часто	Пожалуй, нет такого	Редко, но встречается	Регулярно происходит	«10–15 лет назад»	Сегодня
Сосед соседу по хозяйству помогает, многое делают сообща	4	33	63	21	58	21	2,58	2,00***
Сельские жители активно посещают сельский сход	5	47	48	28	57	15	2,42	1,88***
Люди еще не старые, способные к труду не могут найти себе работу	42	44	14	7	27	66	1,73	2,59***
Молодые люди, оставшиеся на селе, не могут найти себе достойную работу	35	43	22	11	23	66	1,88	2,55***
Сельский житель не ведет активно приусадебного хозяйства, ограничивается в этом самым малым, для своего стола	41	49	10	14	49	37	1,69	2,23***
На выгодную работу устраивают или за деньги, или своих близких знакомых, родственников	21	50	29	20	36	44	2,09	2,43***

Примечание. Значимость различий между оценками «10–15 лет назад» и «Сегодня» *** при $p < 0,001$.

Таблица 5

Оценка респондентами степени решения основных проблем в жизни села
(1 – очень плохо, 5 – отлично; в % ко всем опрошенным по строке)

Социальные проблемы	Очень плохо	Плохо	Средне	Хорошо	Очень хорошо	Среднее по выборке
Возможности по созданию собственного фермерского дела	14	26	37	20	3	2,7
Возможности содержания домашнего скота	20	23	28	23	6	2,7
Уровень цен на услуги ЖКХ	20	32	36	10	2	2,4
Трудоустройство по специальности	33	42	17	6	2	2
Трудоустройство немолодых сельских жителей	35	37	18	9	1	2
Трудоустройство молодежи	41	35	14	8	2	2
Закупочные цены на мясо	61	24	10	3	2	1,6
Закупочные цены на плодоовощную продукцию	60	24	9	6	1	1,6
Закупочные цены на молоко	63	24	8	4	1	1,5

Во-первых, отметим рост числа безработных, прежде всего, среди молодежи, недостаточные возможности трудоустроиться по специальности. Во-вторых, выявлены серьезные проблемы, социально-экономические по своей природе, затрудняющие преодоление безработицы, препятствующие развитию сельского предпринимательства. Речь идет о закупочных ценах, возмозностях создания собственного фермерского дела (табл. 5). Создание собственного дела становится рискованным и маловероятным вариантом реализации личной активности, о чем свидетельствует устоявшееся в общественном сознании селян мнение о фермерстве как о «героической» профессии.

Явно негативная оценка закупочной практики объясняется, как это было выявлено одним в ходе интервью с сельскими жителями², с одной стороны, монополизацией закупочной деятельности, с другой, стремлением властей предоставить АПК преимущества, затруднив конкуренцию с ними со стороны фермеров и ЛПХ. В результате закупочная организация, фактически монополизировав этот вид деятельности, не обрабатывает и не доводит до кондиции покупаемую продукцию крестьянских хозяйств, а лишь выдает справку о том, что эта продукция сдана заготовителям. Крестьянин фактически вынужден сам, за свой счет, отвозить свою продукцию на предприятие пищевой промышленности.

В-третьих, получили массовое распространение такие социальные практики, не имевшие в прежнем колхозном селе устойчивого характера, как блат и коррупция. По мнению респондентов, рост этих явлений в сфере трудоустройства – болезненной для села – одна из наиболее ощутимых негативных тенденций последних 10–15 лет. От половины до трети респондентов отметили, что за прошлый год сталкивались

² На предварительном этапе исследования 2013 г. было проведено 55 углубленных интервью в трех селах Белгородской области. Опрашивались все основные категории сельских жителей: работники АПК; фермеры; индивидуальные предприниматели в сферах строительства и торговли; работники бюджетной сферы; лица, занятые на предприятиях в городе; безработные; пенсионеры.

с подобными явлениями в сфере трудоустройства; до 20% отметили, что за прошлый год встречались с фактами уклонения от заслуженного наказания за взятку или по знакомству.

В-четвертых, в ходе углубленных интервью не только подтвердились факты о ранее выявленных негативных социальных практиках, но обращено внимание и на ряд других. В частности, отмечалась огромная разница в вознаграждениях за труд, получаемых рядовыми работниками АПК из числа местных жителей (нередко во вредных условиях) и управленцами – руководителями подразделений, чаще всего из горожан. Анализ интервью показал, что, получив специальное техническое образование сельскохозяйственного профиля, молодые люди вынуждены через два года поиска работы соглашаться работать охранниками. Иными словами, социальные институты, регулирующие хозяйственную деятельность в исследованных селах, не только существенно ограничивают занятость местного населения, но и фактически сводят роль местных жителей к выполнению функций малоквалифицированной рабочей силы, не создавая условий для их профессионального роста.

Заключение. Социальные институты, организованные на основе рыночных принципов, деформируются рядом негативных практик. Путь к реализации самостоятельности, инициативы, личной ответственности за свое благополучие и успех в современном белгородском селе напоминает продвижение по кривой дороге, с многочисленными изгибами, тупиками, провалами. Причем эта «кривизна», благодаря своей массовости, приобрела социально-типичный характер.

Выявленные в исследовании тенденции в предпочтениях сельских жителей в отношении тех или иных нравственных правил за прошедшие 10–15 лет развиваются под влиянием социальной практики. Они ежедневно сталкиваются в своей деятельности с вымогательством, бюрократизмом, коррупцией, блатом, вынуждены «хитрить» перед закупочной компанией, налоговыми органами, обходить моральные и правовые нормы, правила, тупики, что формирует нравственный и правовой нигилизм. Иными словами, противоречия, присущие институциональной основе хозяйственной деятельности села, порождают внутренние противоречия, коллизии духовного мира современного селянина: нарастающее понимание личной ответственности, активности за благополучие семьи сочетается с развитием представлений о целесообразности применения нравственно сомнительных практик, образцов поведения.

Отметим, что при рассмотрении проблемы эффективности социальных институтов, как правило, основной акцент делается на понимании инкрементального характера изменений институтов (см.: [North, 1990, Barley, Tolbert, 1997]). Отмечается «перетекание» содержания старых институтов в новые. Оно происходит, прежде всего, благодаря влиянию на процесс институциональных интеракций, неформальных правил игры, которые обладают огромной инерционной силой и способны существенно блокировать, деформировать реализацию введенных законов, административных правил и положений.

Данная модель, достаточно логичная, в то же время имеет ряд ограничений. Лишь отчасти можно согласиться с тем фаталистическим пониманием исторического процесса, который заложен в нее. Фактически исключается возможность изменений социальных институтов не «руками прошлого», «а силой, волей настоящего», нынешних поколений. Наше исследование показало, что *рыночные институты входят в противоречие не столько с практиками, имеющими советско-колхозные корни, сколько с деформациями, которые не были распространены в (колхозном) прошлом.* Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что их несовершенство объясняется, скорее, тем, что их становление происходило в такой социально-политической среде и таких условиях, в которых рыночно-конкурентные практики сочетались с практиками, порождаемыми олигархизмом, клановостью, несменяемостью власти. Это породило в массовом масштабе снижение конкурентных начал в экономической, политической жизни, монополизм, «двойные стандарты», закрытость рынка для участия новых игроков, ограничения для развития массового малого и среднего бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–633.
- Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 91–98.
- Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51–59.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–23.
- Родионова Л.В., Перекаренко Ю.А. Социально-трудовые права сельского населения: формальные нормы, реальные практики и перспективы // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 88–96.
- Тамбовцев В.Л. Институты в социологии, политологии и правоведении: взгляд экономиста // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 115–126.
- Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. Социальная организация российского бизнеса: теоретико-методологические подходы и их реализация в эмпирическом исследовании // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 58–69.
- Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Сорокин П.С. Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сел в Белгородской области // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 68–75.
- Barley S., Tolbert P.S. Institutionalization and Structuration: Studying the Links Between Action and Institution // Organization Studies. 1997. № 18(1). P. 93–117.
- Hindriks F. Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory // Journal of Institutional Economics. 2015. No. 11(3). P. 459–480.
- Hodgson G.M. What are Institutions? // Journal of Economic Issues. 2006. № 40 (1). P. 1–25.
- Licht A.N., Goldschmidt C., Schwartz S.H. Culture Rules: The Foundations of the Rule of Law and Other Norms of Governance // Journal of Comparative Economics. 2007. No. 35(4). P. 659–688.
- Martin P. Gender as Social Institution // Social Forces. 2004. № 82(4). P. 1249–1273.
- North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Political Economy of Institutions and Decisions). Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Статья поступила: 13.03.17. Финальная версия: 23.06.17. Принята к публикации: 15.08.17.

TRENDS OF MORAL DEVELOPMENT OF RURAL PEOPLE IN BELGOROD REGION (THE INSTITUTIONAL ANALYSIS)

EFENDIEV A.G.*, GOGOLEVA A.S.*, BALABANOVA E.S.*

*National Research University Higher School of Economics, Russia

Azer G. EFENDIEV, Dr. Sci. (Philos.), Tenured Professor, Director of the Center for Research in Social Organization of Business, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (efendiev@hse.ru); Anna S. GOGOLEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow of the Center for Research in Social Organization of Business, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (agogoleva@hse.ru); Evgeniya S. BALABANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of the Center for Research in Social Organization of Business, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (balabanova@hse.ru).

Acknowledgements. The research is conducted within the Program of basic researches of Higher School of Economics National Research University.

Abstract. The paper continues analysis of the results of panel study in Belgorod region's rural areas conducted in 2000 and 2013. Both papers are integrated in institutional theoretical and methodological approach to the scientific analysis of social transformations. We underline the conceptualization of social institute as a system of social actors' interactions. This system provides the sustained self-perpetuating satisfaction of the most important needs and interests of the actors. We differentiate institute as a social phenomenon, superindividual in its nature, from institutionalization as a process providing sustainability of social interactions. We give particular attention to the fact that human behavior is based on the institutionally determined logic thus being shaped by institutional demands, compelled, instead of voluntary, motives, and control. The basic condition of institutes' efficient functioning is their guaranteed ability to enforce desirable behaviors. Taken together, social institutes regulate basic interactions in the most important spheres of life such as exchange and distribution of economic resources as well as power relations thus composing social organization of the society as a whole. The purpose of this paper is to take a more nuanced view of social institutions while highlighting inconsistencies and contradictions in the process of their change. An empirical observation of the transitional institutions' development is presented. It is argued that these institutions are internally inconsistent and contradictory. Transitional institutions' inconsistencies are manifested, first, in oppositions between "old" (traditionalistic

and paternalistic) and “new” (competitive and achievement-oriented) social practices. Second, confrontation between “positive” (independence and personal responsibility) and “negative” (moral and legal nihilism) social norms underlying these practices is observed. We conclude by suggesting a theoretical model and propositions that will address unanswered questions and should provide a more complete understanding of transformative social institutions and their development.

Keywords: social institutions, institutional changes, social interactions, social practices, Russian rural community, panel empirical studies.

REFERENCES

- Barley S., Tolbert P.S. (1997) Institutionalization and Structuration: Studying the Links Between Action and Institution. *Organization Studies*. Vol. 18. No. 1: 93–117.
- Efendiev A.G., Balabanova E.S. (2012) Social organization of Russian business: theoretical and methodological approaches and their realization in empirical research. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 58–69. (In Russ.)
- Efendiev A.G., Balabanova E.S., Sorokin P.S. (2016) Social institutions: an analysis of social changes in Belgorod oblast. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 68–75. (In Russ.)
- Evdokimova T.G. (2015) Values and value orientations of the rural population of Russia. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 91–98. (In Russ.)
- Hindriks F. (2015) Institutions, Rules, and Equilibria: A Unified Theory. *Journal of Institutional Economics*. Vol. 11. No. 3:459–480.
- Hodgson G.M. (2006) What are Institutions? *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. No. 1:1–25.
- Kirdina S.G. (2015) Methodological institutionalism and the importance of meso-level of social analysis. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 51–59. (In Russ.)
- Licht A.N., Goldschmidt C., Schwartz S.H. (2007) Culture Rules: The Foundations of the Rule of Law and Other Norms of Governance. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 35. No. 4: 659–688.
- Martin P. (2004) Gender as Social Institution. *Social Forces*. Vol. 82. No. 4: 1249–1273.
- North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Political Economy of Institutions and Decisions)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parsons T. (1997) *The System of Modern Societies*. Moscow.: Aspekt-Press. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (2013) ‘Cellular Globalization’ and Tendencies in Rural Communities of the Russia’s Near North. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 13–23. (In Russ.)
- Rodionova L.V., Perekarenkova Yu.A. (2014) Social labor rights of rural population: formal norms, real practices and outlook. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 88–96. (In Russ.)
- Tambovtsev V.L. (2015) Institutes in Sociology, Politology, and Law: Economist’s View. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 1: 115–126. (In Russ.)
- Weber M. (1990). Basic Concepts in Sociology // M. Weber. *Selected Works*. M.: Progress: 602–633. (In Russ.)

Received: 13.03.17. Final version: 23.06.17. Accepted: 15.08.17.